

То, что сегодня называют психотерапией, складывалось в попытках сначала выделить ее из культурных контекстов, а потом соединить с ними. В российской психотерапии эти процессы носят неизбежно драматический характер в силу того, что ее освобождение от идеологических пут и шор

само по себе не могло ни компенсировать потери, ни сделать ее внутренне свободной, ни создать социокультурные контексты жизни, в которой внутренняя свобода могла бы немедленно и продуктивно реализоваться. В.П. Зинченко писал в 1993 г.: «Сегодня ситуация в нашей отечественной

психологии нуждается в более сильных определениях, чем кризис. Дело в том, что в советский период она развивалась не по нормальной логике кризисов, а по безумной логике катастроф, происходивших с наукой не реже чем раз в 10–15 лет. И сейчас на состоянии психологии сказывается их суммарное действие» (Зинченко, 1993, с. 3). Время и относительная самостоятельность психологической практики не дают сегодня оснований ставить вопрос так жестко, но самого вопроса не отменяют. Хотя изменения идут на удивление быстро, известное старым врачам и в принципе приложимое к «организмам» профессии и общества правило, согласно которому от кризиса болезни до полного

здоровья проходит такое же время, как от полного здоровья до кризиса, остается актуальным.

Четверть века явно не исчерпывает этого времени — мы живем и работаем в эпоху перемен внутри нашей профессии, к тому же протекающую внутри эпохи глобальных перемен жизни человечества, и российская психотерапия находится на этапе кризиса со всеми его опасностями и потенциалами. Это ни

хорошо, ни плохо и все зависит от того, какие потенции кризиса она будет актуализировать и реализовывать, как мы промышляем свою профессию.

Что я имею в виду, говоря о философии психотерапии? Меня интересуют не академическая философия и философские обоснования психотерапии, не приложение философских знаний к терапевтической работе, не возможные философские предпочтения терапевта, которые могут сказываться на терапии и отражаться в ней, не психотерапия как прикладная философия или философская практика, а философия психотерапии как она представлена в сознании терапевта, как он видит свою профессию, ее бытие в мире и свое место и роль в ней. Такая постановка вопроса отличается от того, что чаще всего вижу в литературе. На одном полюсе располагаются профессиональные философы — чаще всего с более чем приблизительными представлениями о психотерапии, пытающиеся анализировать, комментировать, интерпретировать и объяснять ее, а то и учить ей психотерапевтов. На другом — психотерапевты, по разным причинам и разными путями выбравшие для себя ту или иную философию и сводящие разговор о психотерапии к этой чаще всего лишь отчасти понимаемой философии. В силу того, что крайности имеют свойство смыкаться, при всей их противоположности они идут общим путем — как говорил мой Учитель профессор С.С. Мнухин, от стола к пациенту, а не от пациента к столу, или, как говорят математики, от метода к задаче, а не от задачи к методу.

На самом деле эти контрастные подходы представляют собой полюса континуума отношений, в чистом виде существующие и действующие разве что в теории. Психотерапевт вынужден искать **свое** место между полюсами, стремясь к этому сознательно или нет — если он, конечно, хочет быть психотерапевтом, а не теоретиком психотерапии. Происходит это постольку и в той мере, поскольку и в какой он выстраивает свою философию психотерапии. При том, что у каждого из нас она более или менее своя, у нее есть некий скелет общности, на который нарастает мясо различий. Отсюда и вынесенная в название постановка вопроса не о философии и психотерапии, но о *философии психотерапии*. Она не академическая философия — не философия учений. Это философия как вольное размышление, свойственное любой профессии *философствование*, размышление о реальности, называемой психотерапией — такой-какая-она-есть, попытка посмотреть на нее и, может быть, прочесть скрытые в ней послания, суммировать подуманное.

Говоря о психотерапии, я не имею в виду вообще присущую человеческой жизни психорегуляцию, существующую с начала истории человечества. Психотерапия может использовать и использует ее средства и способы, но как система самостоятельной деятельности со своими предметом и целями не может быть сведена к общечеловеческим и религиозным практикам — забивание гвоздей является совершенно разным делом в зависимости от того, кто, когда, с какой целью и во что их забивает: сколачивающий крест плотник или прибывающий к нему гвоздями человека — люди разных профессий. «Психотерапия сама по себе — уникальная вещь. Уникальность ее заключается

в том, что те отношения, которые в ней возникают, вне психотерапии вообще не существуют. То есть в принципе они, конечно, существуют, поскольку существуют люди. Но в такой совокупности, так построенные и так выраженные — они не существуют нигде кроме психотерапии» (Бадхен и др., 1993, с. 27).

Множественность определений психотерапии стала притчей во языцех, отражая скорее индивидуальные философии психотерапии, чем ее самое. Но как бы то ни было, психотерапия это светская, мирская профессия — ремесло и промысел. Часто встречая возражения против использования слов *ремесло* и *промысел*, якобы умаляющих *искусство* психотерапии, позволю себе небольшую их апологию. Различая ремесло и искусство, Р. Коллингвуд (Коллингвуд, 1999) напоминает об исходной близости этих понятий: слова *ars* (лат.) и *tech* (греч.) исходно употреблялись в смысле *ремесла* — «способности достигать представляемого заранее результата посредством сознательно управляемого и направленного действия». Это тот ракурс, в котором *ремесленник* значит *искусный*. Их соотношения и сегодня достаточно свободны — мы говорим о ремесле актера или поэта

и искусстве кулинарии или кройки и шитья. Ремесло неотделимо от промысла в значении промысливания своей деятельности, которое дает возможность сознательно управлять ею и направлять ее в сторону планируемого результата. Искусству психотерапии невозможно ни научить, ни научиться без овладения ею как ремеслом. Психотерапия стала массовой профессией,

которой обучают, и мерилом качества обучения и профессионализма психотерапевта должно быть овладение психотерапевтическим ремеслом. Это не привязывает к уровню ремесленничества и оставляет открытым путь к искусству терапии. Оно возможно, как минимум, когда ремесло перестает требовать постоянных усилий по выполнению его требований, становясь глубоко освоенным и усвоенным навыком. Конечно, есть «врожденный дар», «божья искра», талант. Однако когда мы говорим о массовой профессии, какой становится психотерапия, и подготовке к ней, ударение все-таки должно стоять на ремесле. Сказанное не разделяет и не противопоставляет ремесло и искусство терапевта, но лишь задает рамки обсуждения.

Одна из главных особенностей нашего ремесла состоит в том, что психотерапевт — так же как врач и адвокат — служит интересам одного, вот этого обратившегося к нему человека ...
с.с. 272-276